



Бахыт Кенжеев

Нью-Йорк, США

Вступительное слово
главного редактора журнала «Простор»
Фархата Тамендарова

Его поэзия многогранна, самобытна, глубоко философична. Яркие и точные образы пронизаны музыкой слова. Он очень искренен в своих стихах, всегда идёт по лезвию ножа между трагизмом и иронией. Ему удалось зацепиться строчкой за время... В коротком предисловии о всемирно известном поэте Бахыте

Кенжееве, истинном Мастере поэтического слова, попробую рассказать историю знакомства и дружбы с ним.

Мне повезло. В этой жизни я был знаком с великими поэтами – Беллой Ахмадуллиной, Андреем Вознесенским, Олжасом Сулейменовым, Жан Бахытом Канакпьяновым, Алексеем Цветковым, Сергеем Гандлевским, Дмитрием Воденниковым. А в далёком 1997 году я попал на творческую встречу с Бахытом Кенжеевым, которая проходила в Алма-Ате. Я тогда писал в стол и о своих книгах не мечтал, зато с упоением зачитывался Блоком и Бродским. Выступление Бахыта в кулуарном богемном зале Дома кино перевернуло моё мировоззрение, моё восприятие стихотворения. Я понял, что поэзия – сжатая форма философии, форма слова, несущая свет. С той минуты я стал поклонником его творчества.

Судьба долго не давала мне шанса ближе познакомиться с Мастером. Но вот в 2015 году Литературная школа Алматы проводит фестиваль «Полифония» и приглашает Бахыта Кенжеева. Я с ним подружился. Яркая, полная впечатлений, новых знаний, заполуночных, душевных бесед неделя пролетела мгновенно. Расставались мы уже как братья. Он так похож на моего старшего брата. А его фотографии в юности – моя копия.

С того момента мы постоянно переписывались, я всячески старался организовать его поездки в Алма-Ату. Помню, мы однажды с Пашей Банниковым – знаковым и передовым молодым поэтом Казахстана, помечтали: «Эх, привезти бы в Алма-Ату таких замечательных поэтов, как Алексей Цветков, Сергей Гандлевский, Бахыт Кенжеев, да организовать поэтический концерт для всех их поклонников». И вот, благодаря Бигельды Габдуллину, президенту Казахского ПЕН-клуба, в 2017 году был организован литературный форум, куда были приглашены писатели из 17 стран мира, в том числе и вышеназванные поэты.

В один из дней форума во Дворце молодёжи КазНУ состоялась историческая творческая встреча четырёх маститых поэтов – Олжаса, Алексея, Сергея и Бахыта со студентами и поклонниками. Зал был забит до отказа, люди даже стояли



в проходах. Встреча прошла «на ура». С тех пор мы с Бахытом вместе шагаем по жизни. Долгий перерыв был во время ковида, но мы вновь встретились и в прошлом, и в нынешнем году.

В июне этого года наступило долгожданное событие. Бахыта, благодаря Мереке Кулькенову и Бахытжану Канапьянову, приняли в Союз писателей Казахстана. Редакция журнала поздравляет поэта и наш творческий Союз и с огромным удовольствием публикует его стихи в «Просторе».

Я РОДИЛСЯ В ОКРЕСТНОСТЯХ ОКСА...

* * *

Где под твердью мучительно-синей
не ржавеет невольничья цепь,
и забытая богом пустыня
по весне превращается в степь –
я родился в окрестностях Окса,
чья памирские воды мутны,
и на горе Аллаху увлѣкся
миражом океанской волны.
Вздогнет взрывчатый месяц двурогий,
сбросив пепел в сухую траву.
«Почему ты не знаешь дороги?»
«Потому что я здесь не живу».

Не имеющим выхода к морю
только снится его бирюза.
Пусть Эвтерпа подводит сурьюмою
молодые сайгачьи глаза –
есть пространства за мѣртвым Аралом –
потерпи, несмыслѣнный, не пей –
где прописано чѣрным и алым
население нищих степей –
и кочевник любитя вволю
на своих малорослых коней –
солоней атлантической соли,
флорентийского неба темней.

* * *

Каждому веку нужен родной язык,
каждому сердцу, дереву и ножу
нужен родной язык чистоты слезы –
так я скажу и слово свое сдержу.

Так я скажу и молча, босой, пройду
неплодородной, облачную страной,
чтобы вменить в вину своему труду
ставший громоздким камнем язык родной.

С улицы инвалид ухом к стеклу приник.
Всякому горлу больно, всякий слезится глаз,
если ветшает век, и его родник
пересыхает, не утешая нас.

Камни сотрут подошву, молодость отберут,
чтоб из воды поющий тростник возрос,
чтобы под старость мог оправдать свой труд
неутолимым кружевом камнетес.

Что ж – отдирая корку со сжатых губ,
превозмогая ложь и в ушах нарыв,
каждому небу – если уж век не люб –
проговорись, забытое повторив

на языке родном, потому что вновь
в каждом живом предутренний сон глубок,
чтобы сливались ненависть и любовь
в узком твоём зрачке в золотой клубок.

* * *

В. Ерофееву

Расскажи мне об ангелах. Именно
о певучих и певчих, о них,
изучивших нехитрую химию
человеческих глаз голубых.

Не беда, что в землистой обиде мы
изнываем от смертных забот, –
слабосильный товарищ невидимый
наше горе на ноты кладет.

Проплывай паутинкой осеннею,
чудный голос неведомо чей, –
эта вера от века посеяна
в бесталанной отчизне моей.

Нагрешили мы, накуролесили,
хоть стреляйся, хоть локти грызи.
Что ж ты плачешь, оплот мракобесия,
лебединые крылья в грызи?

* * *

Огонь свистящий и шипящий.
Воды кипящей ореол.
Землей могильной рот звучащий
набит до самых альвеол.

И вместо рифмы – парной, пряной
одни сомнительные сны –
мост тоньше волоса над ямой
непостижимой глубины...

Очнись, не мудрствуя лукаво.
Огонь – огнем, и дымом – дым,
одним – прижизненная слава,
и ясновиденье – другим.

Тень сна с сияньем яви сложим –
увидим снег, и облака
с небесным ангелом, похожим
на паука-крестовика.

Он из земли, из крови влажной
соткал спасительную сеть –
скажи мне, как ему не страшно
в бездонном воздухе висеть?

* * *

Хочется спать, как хочется жить,
перед огнем сидеть,
чай обжигающий молча пить,
в чьи-то глаза глядеть.

Хочется жить, как хочется спать,
баловаться вином,
книжку рифмованную читать,
сидя перед огнем.

Пламя трещит, как трещит орех.
Лед на изнанке лет.
Вечной дремоты бояться грех,
и унывать не след,

Грецкий орех, и орех лесной.
Пламя мое, тайком
поговори, потрещи со мной
огненным языком,

поговори, а потом остынь,
пусть наступает мгла,
и за углом, как звезда-полюнь,
зимняя ночь бела.

* * *

Что ты плачешь, современник,
что ты жалуешься, друг,
на нехватку медных денег,
на бессмысленный досуг?
Не ходи в кино, не надо,
водки импортной не пей –
в ней греховный привкус яда,
горечь дьявольских страстей.

Лучше бережно подумай
о грядущем, о былом.
Проржавел наш мир угрюмый,
не пора ль ему на слом?
Не о том ли пел в печали
прорицатель и мудрец,
что умел в любом начале
различить его конец?

Твердь разверзнется и треснет,
зашатается сосна,
плоть истлевшая воскреснет
от безвременного сна.
Бодрый друг и хмурый враг,
одолев внезапный страх,
заспешат в высокий город,
воссиявший на холмах.

Кто взликует, кто заплачет,
кто утрет предсмертный пот, –
и земля, как легкий мячик,
с траектории сойдет,
и пятном на звездной карте,
излучая мягкий свет,
понесется в бильярде
неприкаянных планет –

что же станет с плотью бедной?
Верно, вечной станет плоть,
так в любви своей безмерной
наградит ее Господь –

а земля все стынет, стынет,
спит пророк, приняв вина.
Ветер зябнувшей пустыни,
месяц, камни, тишина...

* * *

Говори – словно боль заговаривай,
бормочи без оглядки, терпи.
Индевет закатное зарево,
и юродивый спит на цепи.

Было солоно, ветрено, молодо.
За рекою казенный завод
крепким запахом хмеля и солода
красноглазую мглу обдаёт
до сих пор – но ячмень перемелется,
хмель увянет, послушай меня.
Спит святой человек, не шевелится,
несуразные страсти бубня.

Скоро, скоро лучинка отщепится
от подрубленного ствола –
дунет скороговоркой, нелепицей
в занавешенные зеркала,
холодеющий ночью анисовой,
догорающий сорной травой –
всё равно говори, переписывай
розоватый узор звуковой...

* * *

Вещи осени: тыква и брюква.
Земляные плоды октября.
Так топорщится каждая буква,
так, признаться, намаялся я.

Вещи осени: брюква и тыква,
горло, обморок, изморозь, медь,
всё, что только сегодня возникло,
а на завтра спешит умереть,
все, которые только возникли,
и вздохнули, и мигом притихли,
лишь молитву твердят невпопад –
там, в заоблачной тьме, не для них ли
многогрудные астры горят?

Я спросил, и они отвечали.
Уходя, не меняйся в лице.
Побелеет железо вначале
и окапиной станет в конце.

Допивай свою легкую водку
на крутой родниковой воде,
от рождения отдан на откуп
нехмелеющей осени, где
мир, хворающий ясною язвой,
выбегающий наперерез
ветру времени, вечности праздной,
снисхождению влажных небес...

